

18+

Дмитрий Гаврилов

**АМЕРИКАНСКИЕ
ГОРКИ**

Рассказы и повести

Дмитрий Гаврилов
Американские горки.
Рассказы и повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781742

ISBN 9785005088017

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В своей новой книге «Американские горки» автор продолжает исследовать глубины человеческой психологии и мотивы поступков. Искромётный юмор и неожиданные повороты сюжета подарят любителям качественной современной прозы массу приятных минут.

Содержание

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ	5
ТАЙНА ГРАФСКОГО ПРУДА	36
ВКУСНАЯ ИСТОРИЯ ПРО ГЕНЕТИКУ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Американские горки

Рассказы и повести

Дмитрий Гаврилов

© Дмитрий Гаврилов, 2020

ISBN 978-5-0050-8801-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

– Погадайте мне, тётенька! – закричал от ворот последнего на деревенской улице дома голый по пояс, босой, со сбитыми коленками, белокурый паренёк лет пяти. На нём были допотопные семейные трусы из синего сатина в жёлтый горошек и сдвинутая на бок, с татарским орнаментом тубетейка, что охочий до сезонных халтур отец привёз из-под Бугульмы.

– Это ты мне? – обернулась завёрнутая в цветастую шаль высокая, стройная цыганка.

– Ага, – мальчонка расторопно подскочил и разжал крохотную ладошку. В ней лежал запотевший гривенник. – На, гадай!

– Иди домой. Родители заругают, – улыбнулась женщина. Тонкой, изящной рукой с золотыми перстнями на всех пальцах, кроме большого, она поправила заколку в виде розы, что алела в чёрной, как смоль, непослушной шевелюре и, утопая во ржи, размашисто зашагала через поле к пригорку, где начинался ласково шелестевший на тёплом ветру сочной зеленью раскидистых крон величественный русский лес, в котором провидица намеревалась укрыться от назойливого клиента.

– Тётенька, ну пожалуйста! – не унимался пострелёнок и перешёл на бег, чтобы поспеть за странницей. Лишь ма-

кушка сверкала промеж колосков.

– Нет! – отрезала гадалка.

– Почему? – пацанёнок недоуменно зашмыгал носом.

– Потому что сбудется, – вещунья, наконец, остановилась, и её лицо сделалось суровым. – И от судьбы потом не уйдёшь.

– Тётка! – тут уже шкет насупился и погрозил остреньким кулачком. – Гадай, говорю!! Не то побью!!!

– Ух ты, грозный какой! – хитро прищурилась предсказательница. – Ладно. Гони свои деньги. Только потом не жалуйся...

Никита Тимофеевич Ермолаев давно заделался урбанистом и сельской местности избегал. Не то, чтобы ввёл он табу на вылазки за город, но совершал их неохотно и придумывал всяческие отговорки, лишь бы не ехать. И это несмотря на факт, что был мужчина насквозь русским, без примесей каких местечковых и на свет появился в просторном роддоме колхоза «Мартышкин труд» имени Чарльза Дарвина.

Каких-то особых причин не любить природу у пятого сына рачительной доярки и втихаря закладывавшего за воротник хохмача-бульдозериста не имелось. Не относиться же, право, всерьёз к тому, что всё своё детство, пока не окончил восьмилетку, Никитка без продыху ходил за свиньями, пас коров, заготовливал сено и, зажмурившись, рубил курам их хохлатые головы. В остальном молодые годы его были вполне счастливыми, с бутылочкой «Буратино» на Новый

год и надставленными рукавами к очередному Первому сентября. Не хуже, чем у других, одним словом.

Хотя нет. Был-таки травмировавший детскую психику эпизод, после которого мальчишка крепко разочаровался в творческой интеллигенции.

Идя раз мимо сельского клуба, подспудно тянувшийся к прекрасному малолетка увидел красочную афишу, обещавшую за символическую плату красочное часовое представление с участием труппы цирковых лилипотов. Те спешили из соседней Бакланихи и прибыли чуть навеселе. Лишь их насильно зашитый после второго инфаркта художественный руководитель вынужденно олицетворял собою непоколебимую трезвость, а по сему был малость на взводе и несколько неприветлив. Хотя выглядел дяденька забавно, в чёрном фраке и белой манишке походя на тучного, пожилого пингвина.

Морщась от стойкого запаха перегара, вожак последним покинул скрипучий, запылившийся на окрестных просёлках автобус и нос к носу столкнулся со словоохотливым Никиткиным батей, не преминувшим уточнить у деятеля культуры, не является ли тот родственником Кыштымского карлика и почём нынче в Детском мире сандалеты на перwokлашку.

Глубоко уязвлённый остротами, заслуженный артист Тарабарской АССР негодуяще потёр лысый, мигом покрывшийся капельками пота массивный череп, брезгливо сплю-

нул сквозь широченную, меж передних зубов щель в разросшуюся вдоль дороги крапиву и фальцетом прокричал вслед удалявшимся в уютные гримёрки коллегам:

– Товарищи, немедленно назад!

– Почему, почему? – наперебой обеспокоились в толпе раскупивших билеты деревенских.

– Да? А в чём, собственно, дело? – в недоумении, комично перебивая друг друга, запищали ряженые ковёрные, мускулистые акробаты в трико и квартет безгрудых эквилибристок в чешках с миниатюрными, изготовленными на заказ моноциклами подмышкой.

– Мы уезжаем! – приказным тоном, чеканя каждый слог, постановил шпрыхсталмейстер и запрыгнул обратно в арендованный транспорт. – Зрители могут получить свои деньги обратно в билетной кассе.

– Ах ты гном сутулый! – напряглось было крестьянство, но миролюбие и гуманизм взяли верх: мутузить кичливых заезжих люди раздумали. – Валите отсюда, букашки!

Под улюлюканье и свист неудовлетворённой публики незадачливые гастролёры безропотно укатили прочь. А Никиткин папаша на прощанье исполнил свою версию хита певца и композитора Малежика:

– А у лилипутика отросток меньше лютика! – сопровождая пение красноречивой демонстрацией, исполнил он мимот и, схватившись за выпрыгнувшее из-под короткой майчонки пузцо, театрально закатился от хохота.

Лишь глуховатый мим в замызганном костюме Пьеро, как всегда, ни черта не расслышал, всё самое интересное пропустил и добирался потом пешком самостоятельно, хоть и было пути сорок две извилистых версты по пригоркам и буеракам.

Сдав на неполное среднее, Никитка вопреки родительской воле наострил лыжи в районный центр. Там посреди пугавшего ветхостью частного сектора возвышалось четырьмя исполинскими этажами капитальное строение профессионально-технического училища. В нём седовласые, по-отечески мудрые и справедливые наставники обучали слесарному, токарному и фрезерному ремёслам не хватавших звёзд с небес оболтусов.

Подросток из многодетной семьи смекалистостью явно выбивался из общего числа, был пытлив и тянулся к знаниям, благодаря чему освоил сразу три специальности и имел одни пятёрки по общеобразовательным предметам. Это приравнивалось к школьной золотой медали и давало право на сдачу только одного вступительного экзамена в институт.

За высшим образованием надобно было переезжать в столицу области. Дорога на лошади туда была утомительной, а на поезде – сущие пустяки. И вот уже через каких-то десять часов у входа в приёмную комиссию топтался в стоптанных кедах абитуриент Ермолаев. При нём имелись все нужные для поступления документы. Бумаги лежали в изъеденной временем кожаной офицерской сумке, в одна тысяча девять-

сот восемнадцатом году принадлежавшей ротмистру Лемке из штаба Добровольческой армии Юга России. Запачканного сургучом белогвардейца с секретным пакетом от самого барона Врангеля, проявив находчивость, взял под Царицыным в плен и собственноручно шлёпнул за нужником для членов Реввоенсовета прадед Никиты – красный командир Тимофей Никитич Ермолаев.

Впоследствии за беспощадность к врагам революции смекалистого большевика премировали именным станковым пулемётом «Максим». Впрок, однако, награда не пошла. В тридцать восьмом её при обыске конфисковали сотрудники НКВД, явившиеся на зорьке арестовывать бывшего героя Гражданской войны за участие в бухаринско-троцкистском заговоре. А сумка и по сей день верой и правдой служит Никите, всеми фибрами души ненавидящему барсетки и их владельцев.

Итак, написал на пятёрку ладно складывавший слова в предложения юноша оригинальное сочинение о косвенной причастности похотливой Наташи Ростовской к гибели аристократа Андрея Болконского и был зачислен первокурсником в машиностроительный на факультет роторных молотилок. К студенческому билету прилагались талоны на гречку и бесплатная койка в общежитии по улице Бормана.

Да-да, не удивляйтесь: первым в истории председателем тутошнего исполкома был большевик Мойша Лазаревич Борман, репрессированный, в сущности, из-за пустяка: по-

думаешь, помочился прилюдно по пьяни на клумбу подле памятника фаворитке Ильича Инессе Арманд. И не на потеху окружающим, а лишь в силу рвения доказать сомневающимся плодотворное воздействие минеральных солей на морозоустойчивые луковицы тюльпанов из лаборатории академика Трофима Лысенко.

За годы учёбы Никита возмужал, заматерел, лишился девственности и народными средствами дважды вылечил испанку. Набрался, так сказать, знаний и подготовился к самостоятельной жизни. И хоть обязательного распределения в нашей стране на тот момент более не существовало, с денежной работой пришлось повременить.

Произошло это по воле военкома, благодаря своей неподкупности ставшего однажды героем телепередачи «В гостях у сказки». Он с презрением отказался от худого конверта со взяткой и направил новоиспечённого лейтенанта служить за жалкие гроши в ремонтную зону орденоносной танковой дивизии, расквартированной у конечной остановки двадцать седьмого трамвая за прятавшимся в раскидистых кустах душистой сирени невзрачным бетонным забором, на котором исполинскими буквами с признаками каллиграфии какой-то правдоруб вывел разоблачительную надпись: «Прапор – вор!».

Ношение формы, к счастью, длилось не долго, однако, едва не закончилось трагически.

Заместитель командира дивизии по работе с личным составом полковник Карапетян, который на тот момент, в принципе, не подозревал о существовании Ермолаева, прибыл из санатория глубоких нервных расстройств к месту постоянного несения службы на сутки раньше положенного срока. Он так соскучился по работе, что первым делом отправился не домой, а принялся за рутинный обход территории, даже не удосужившись снять натиранный лямками плечи тяжеленный вещевой мешок с запасным исподним и гостинцами.

Бывалый служака исполнил миссию ровно наполовину, когда его, маршировавшего мимо поста мента с горделиво возвышавшимся над плацом музейным Т-34, заинтересовали приглушённые звуки, вырывающиеся из танкового дула. Лязгнув люком и заглянув в башню некогда боевой машины, горячий, но выдержанный офицер обнаружил свою законную супругу, изюмистую и во всём избегающую обыденности Ашхен. Пышнотелая наяда сосредоточенно, дабы ничего из ранее освоенного не упустить, дарила вчерашнему штатскому первобытные горские ласки, приправленные французской изысканностью. Этаким суджук с дижонской горчицей.

– Что?! – кипящая кровь прилила к полковничьим глазам сквозь расширившиеся капилляры.

– Ща, чувак, погоди, не обламывай кайф, – не имевший ни малейшего понятия, кого просит об одолжении, простонал на пике чувств Никита Тимофеевич.

Не желая сквернословить даже на родном языке, приобретший за время вынужденного простоя набожность Карапетян молча отдал небесам честь, поджёг коротенький бикфордов шнур тротиловой шашки, что носил с собой для каждодневных рыболовецких утех, зашвырнул пиротехническое средство на дно кабины и без малейшего промедления захлопнул крышку. За сим воин вытер вспотевшие ладошки о запасную портянку, и каких-то полчаса спустя военный транспортник под управлением его троюродного брата Вазгена уносил мстителя от уголовной ответственности в край достопочтенных предков, чей прах покоился в ухоженных могилах под сенью виноградных кущ.

В полёте давно не видевшиеся родственники пили из козлиных рогов молодое домашнее вино и так увлеклись беседой, что существенно отклонились от курса и вторглись в суверенное воздушное пространство независимого Кирдыкстана. Система противовоздушной обороны миролюбивого государства сработала чётко, и не отвечавший на запросы неопознанный летательный аппарат был ликвидирован на подлёте к живописной столице страны – городу Шайтан-Сити. Вазген, как только понял, что в них попали, с испугу заперся в туалетной кабинке и умер с позором, обделавшись с головы до пят задолго до удара о каменистый грунт. Полковник же Карапетян отчаянно цеплялся за жизнь, ловко планируя на обломке крыла с высоты десять тысяч метров, и ни один мускул не дрогнул на его мужественном лице.

Он даже чуть не обманул судьбу, ибо дотянул до спасительных вод тёплого моря, но фонтаном брызг привлёк внимание натовской субмарины, в панике выпустившей по нему сразу три смертоносных торпеды.

В танке тоже бабахнуло знатно. Лейтенант получил тяжелейшую контузию и был помещён в стационар за счёт Министерства обороны, а у изменщицы, принявшей на себя всю силу взрыва, в клочья разорвало окорочка, и повсеместно поседела растительность.

Ермолаев по выздоровлении комиссовался. Прощаться со знойной Ашхен лично любовник посчитал перебором, но проявил-таки посильное участие. Для поднятия настроения и рухнувшей самооценки страдальцы, он отправил ей с нарочным кулёк утопавшего в сахарной пудре первоклассного рахат-лукума и коллекционный набор открыток «Приматы долины реки Лимпопо». Сверх одного для реабилитации ягодиц был принесён в дар китайский чудо-массажёр: нывшие в постоперационный период шрамы требовали ухода, ибо военные хирурги из мужской солидарности в назидание разоблачённой прелюбодейке штопали последнюю тупыми, крупными иглами и нарочито наспех.

Преисполненный радости от ощущения полной свободы, Никита Тимофеевич озадачился поиском выгодной гражданской работы. И тут, как нельзя кстати, в газете «Таёжный Рабочий» опубликовали подходящую вакансию. Заводу

по производству шлифовального оборудования для филигранной огранки натуральных окатышей требовался на полный день инициативный инженер-механик славянской наружности. Должность привлекла редкой специализацией, конкурентным окладом и медицинской страховкой, включавшей стоматологические услуги без протезирования и беглый осмотр проктологом.

Дважды из жалости переспав с квёлой, страдавшей болезненной бледностью заведующей отделом кадров, соискатель с успехом прошёл собеседование и отпахал на предприятии целых три года. Потом, однако, пришлось спешно уволиться: уж больно обрыдла ему составившаяся протекцию при трудоустройстве начальница. Несмотря на отнюдь не выдающиеся природные данные, она сделалась чересчур назойливой и часто, невпопад, пудрилась, так как очень хотела замуж. Но копивший на иномарку и малогабаритную студию в новостройке на стадии котлована сотрудник был абсолютно не расположен к пустым тратам на фату и букет невесты.

Тем не менее, уже следующей весной Никита Тимофеевич наивно посватался к Катеньке, заносчивой дочери неувядаемой примы театра юного зрителя Василисы Каземировны Дормидонтовой. Породнившись, зять намеревался через избалованное дитя подобраться к миллионам тёщи. Последняя в девяностые не без оснований считалась дамой сердца самого Автандила Техасского. Бандит держал общак Транснациональной преступной группировки и погиб при загадочных

обстоятельствах, будучи признанным единственной жертвой Баб-эль-Мандебского метеорита.

Незамеченное никем, кроме Василисы Каземировны, малое небесное тело взорвалось в плотных слоях атмосферы над одноимённым проливом, когда по его акватории взад-вперёд на надувном матрасе курсировал криминальный авторитет, слывший среди братвы неисправимым эксцентриком. Не нашли ни трупа, ни воровских денег, которые законник никогда не выпускал из татуированных, по локоть в крови рук. В зоне катастрофы всплыли только дырявые плавки с приставшей, что не отодрать, обуглившейся мошонкой. И течением на берег выбросило именно свисток для отпугивания акул. Всё.

Дормидонтова приличественно поносила траур и вскорости переехала в элитный кондоминиум с потайным чёрным ходом и вышколенным консьержем на дверях, купила бронированный «Бентли» и завела сразу двух посещавших её по графику, не алчных, провинциальных альфонсов. Посему внешность у них не шибко была комильфо, и ударения в словах они ставили абы как, зато пунктуальные были до невероятности.

Да, появилась ещё у верной служительницы Мельпомены свирепая военизированная охрана, на пушечный выстрел не подпускавшая к хозяйке и членам её семьи подельщиков сгинувшего любовника с их дурацкими расспросами, подозрениями и предъявами.

Пообщалась же с Никиткой Катенька в интимном смысле близко из врождённой вредности и непреодолимого желания всегда и во всём идти наперекор матери. Родительница обстоятельно выбирала для дочери только состоявшихся кавалеров, чтобы, так сказать, не перед кем попало оголять свой бесценный бутон. А курва эта зажавшаяся, чёрт бы её побрал, вечно раскрывала свои объятия голодранцам без роду без племени, лишь бы насолить Василисе Каземировне, бившейся как рыба об лёд за счастье единственной кровиночки. Адюльтер с Никиткой – из этого ряда случаев.

Как-то на закате, будучи слегка подшофе, прогуливался Никита Тимофеевич по парку высокой культуры отдыха, приводя в чувства вестибулярный аппарат после ураганной карусели, но по-прежнему вознамериваясь прокатиться на чёртовом колесе. Майская получка с новой перспективной работы заготовителем вторсырья приятно жгла ляжку и вкупе с алкоголем рисовала в возбуждённом мозгу совокупления одно разнuzданнее другой.

Тут молодой человек увидел на скамейке девицу, явно искавшую приключений на свою дорогостоящую попу. Об этом свидетельствовали едва прикрывавшая срам коротенькая юбочка от французского кутюрье и толпа вооруженных до зубов телохранителей, оцепивших периметр и не дававших подойти близко. Пришлось орать на потеху согражданам:

– Сударыня, можно с вами познакомиться? – Никитка

робко, без надежды на успех помахал рукой. – Тут я, тут...

– Пошёл прочь, щенок! – рыкнул, будто цепной пёс, самый солидный на вид бодигард и передёрнул автоматный затвор.

– С удовольствием, сударь! – приветливо ответила девица. – Немедленно дайте ему пройти!

Ермолаева со знанием дела придирчиво обыскали. Кроме единого проездного билета, мощны с купюрами и упаковки контрацептивов ничего не нашли, и плотные фигуры расступились на миг, чтобы впустить ухажёра в круг.

– Никита, – учтиво наклонил голову джентльмен.

– Катюха, – шмыгнула носом бестия.

– Очень приятно.

– А мне по фиг! – огорошила фурия. – Что, пошалим?

– А можно?

– В принципе, да, – потянулась, вздыбливая и без того стоячий бюст авантюристка. – Поехали?

– Можно ко мне в общагу. Там, правда, не ахти, – замялся молодой человек. – Зато душ горячий. Можно ещё в отель... Этот... Как его? «Ненасытный купидон».

– Я тебе что, ханыга, по клоповникам грязь собирать? – нахмурилась Катюха.

– Нет-нет, что ты! – оправдался Никитка. – Просто мне больше некуда.

– Во ты лошара! – игриво подмигнула вызывающе накрашенным левым глазом кокетка. – Что ж, значит, – ко мне.

– Почту за честь! – вытянулся по стойке «смирно» несо-

стоявшийся танкист. – Постараюсь оправдать!

– А куда ты денешься с подводной лодки? – с чувством собственного превосходства констатировала принцесса и, будто Гитлер арийского подростка, похлопала по щеке своё новое увлечение. – Будешь моим Ванькой-встанькой, пока не надоешь! Едем, холопская морда!

Наутро, отработав, как Стаханов в забое, и оценив стоимость нажитого непосильным трудом домового имущества, Никитка поинтересовался, откуда дровишки.

– Мать богатая, – небрежно бросила наследница. – Очень!

– А-а-а, ясно! – присвистнул Никитка. – Кать, выходи за меня замуж!

– Ага, разбежалась...

Не прошло и тридцати секунд, как охрана выставила корыстного прохиндея на прохладную улицу, не позволив тому толком объясниться и замаскировать причинное место.

Шли годы. Оседлая ветвь семейства Ермолаевых постепенно редела. Сначала употребивший в обед отец устроил себе тихий час в луговых травах. Прилёг он в той самой низине, куда съехал его же многотонный бульдозер: шепутной водитель, отхлебнув лишку, напрочь позабыл про стояночный тормоз.

Трое из четвёрки Никиткиных старших братьев, кроме первенца Ермолаевых – Николки, вообще отправились в мир иной одновременно. Они решили разбогатеть. Как разом ре-

шили, так разом и сгнули. А всё из-за тупости и алчности. Эти две людских слабости всегда по жизни бок о бок ходят. В общем, лет пятнадцать тому вспыхнули они лютой завистью к одному богатому пришлому, купившему в деревне с десятков заброшенных домов с приусадебными участками. Делец даже прибрал к рукам бывшие школу с почтой. И возвёл он, по мнению местных, фигню какую-то. Эко-деревней зовётся. Ну, фигня – не фигня, да только народец денежный со всех окрестных городов валом повалил за природной первозданностью и продуктами без пестицидов. За одну луковку, страшно сказать, сто целковых платили. Вот братья как-то ночью к этому мироеду и нагрянули пощипать малость. Да фермер-то не тюфяк оказался. Сожрал он, значит, волшебный орех Кракатук, схватил со стены острый меч-кладенец и отсёк всем троим башки ихние на фиг. В одну вон, самую несимпатичную, Васяткину, до сих пор соседская девтора на Хэллоуин свечку ставит.

С Николкой тоже история трагическая приключилась. Его баба какая-то на мотоцикле с коляской без регистрационных номеров насмерть сбила и скрылась с места происшествия. Из особых примет – шлемофон танковый на голове. И шевелюра... Седая и разухабистая такая, что пол-лица собою закрывала. Вероятно, потому и наезд совершила, что патлы неопрятные на глаза налезали. А по другой половине физиономии, которую память свидетельская запечатлела, можно было предположить, будто байкерша эта – шишига нерус-

ская.

Следствие, конечно, учинили. Искали шельму везде. Фотороботы на углах вешали. Служебную таксу даже по следу пускали. Всё без толку. Преступница как в воду канула. Тогда, помнится, разозлился Никитка сильно. Почти также, как и на лилипутов в детстве: размечтался отловить и покарать жестоко. Только вот не довелось пока поквитаться ни с одними, ни с другой. Ну-да жизнь-то ещё продолжается!

В результате описанных выше нездоровых пертурбаций осталась на деревенском хозяйстве одна-одинёшенька мать – Прасковья Пантелеймоновна. Её, периодически хворую и беспомощную, Никита Тимофеевич, конечно, во время отпусков непродолжительно навещал, но не по зову сердца, а из-за того, во многом, чтобы брехливый люд по чём зря не судачил. Ну, не было у него к старушке тёплых чувств! Только жалость. А кому понравится всё время чужие шмотки донашивать да ишачить по дому сызмальства? Отсюда и отношение.

Так что к родительнице он никогда не спешил, да и в город к себе не звал, хоть и барствовал там бобылём на собственной жилой площади. Да-да, воплотил-таки он заветную мечту и приобрёл желанную квартиру площадью даже просторнее, нежели рассчитывал: о двух комнатах, с гарнитуром кухонным, капитально встроенным, и телевизором, вещавшим аж в трёхмерном изображении.

Источником средств для столь роскошного приобретения стала хвалёная Никиткина бережливость. Да и без особой экономии скупать металлический лом при разумном подходе всегда сулило барыши.

Кстати, машину Ермолаев-младший тоже купил. Большую, как СССР. Иностранную, как нижнее бельё любовницы. И красную, как бесстыжие zenки алкаша. С двигателем внутреннего сгорания рабочим объёмом две целых пять десятых литра потребляло авто дорогущий высокооктановый бензин, зато ускорялось стремительно и смотрелось особенно привлекательно на литых дисках. За колёса и пакет для ухабов и грязи пришлось уплатить дополнительно. Цена кусалась, конечно, но ведь круто ж стало, мать его! Э-эх!! Посторонись, каналы!!!

Как-то мчался Никитка на своей «ласточке» и подвёз голосовавшую у обочины женщину редчайшей красоты и обаяния. Потом ещё донёс до входной двери дамочки увесистую корзину грибов, помог скинуть плащ-палатку, из стратегических соображений отказался от вежливо предложенного пятиминутного чаепития, но с прицелом на будущее выклянчил номер мобильного, по которому принялся регулярно названивать.

Кассиопея Игоревна Бириулёва-Ясенева, а именно так представительно величали Никиткину избранницу по паспорту, имела царские манеры, лебяжью стать и основатель-

ную респектабельность сотрудницы центральной детской библиотеки, норвящую отхлестать по наглым розовым щёчкам злостного должника-пятиклассника его же читательским формуляром. Этим набором качеств она выгодно отличалась от всех предыдущих пассий нашего героя. Было даме на момент их с Никитой Тимофеевичем знакомства лет эдак сорок с хвостиком. Холостяк плевал на это с высокой колокольни, памятуя, как в тоске и полном одиночестве отметил намедни тридцать восьмую годовщину пребывания в нынешнем телесном воплощении.

Короче, втюрился Никитка по уши, потонул в грёзах, поплыл, словно боксёр перед глубоким нокаутом. Да так сильно, что принялся спускать на новую знакомую оставшиеся от крупных покупок незначительные накопления. Он регулярно дарил женщине полевые цветы. Не терпя возражений, приглашал по выходным на утренние сеансы в кино. Угощал самодельными сухариками с пивом из пластиковых бутылей и без удержу водил в парк на общедоступные муниципальные качели, благоразумно обходя стороной не самые безопасные коммерческие аттракционы. В общем, кутил и был щедр до безумия.

Так прошли три недели ухаживаний. Никитка давно изголодался по ласкам самого примитивного свойства, а возлюбленной – всё нипочём: в лобик кавалера чмокнет, трепетно дрожащую длань его с задницы своей округлой, жаром пышущей уберёт, намятую грудь аккуратную в лиф обратно

заправит, смутится, носопырккой задёргает, глазки карие закатит, локон каштановый на тонкий пальчик наматает и... Чао, бамбино, сорри!

Никитке всё чаще стало приходить в голову, что пора бы положить этой пытке конец, и он, отбросив стеснительность, решился. Без обиняков, но предельно тактично Ермолаев наемкнул избраннице на логическое продолжение отношений:

– Кассиопея, рыба моя, как ты полагаешь, не пора ли нам сойтись поближе? – нотки детской наивности в речах неудовлетворённого воздыхателя, видимо, должны были свидетельствовать о чистоте его помыслов. – А то уже по лбу долбит так, что мочи нет никакой, право слово!

– Никитушка, свет мой солнышко! – ответствовала ему по-старомодному зазноба. – Соколик ты мой грешненький! Коли рёбрышком таким вопросик ставишь, знать, взаправду, засвербело тебе аки кролику.

– Во-во, именно, ушастому такому кролику! – приставил к голове ладошки Никита Тимофеевич. Потом мгновенно опустил руки вниз и, дабы ещё сильнее подчеркнуть охватившее его отчаяние, укоризненно вывалил из спортивных штанов своё обезумевшее от длительного простоя хозяйство. – Подивись... Вот ведь рефлексы окаянные!

– О'кей! В смысле, ладушки!! Быть по-твоему!!! – согласилась Бирюлёва-Ясенева, взяла с полки стакан, подошла к крану, налила воды. – Охлади пока милёнка своего непокорного. Суй в стаканчик, суй. Вот так, ага. Да не теребунь-

кай ты его! Слушай меня лучше и не перебивай!

– Б-р-р-р! Ледяная, будто колодезная, – поёжился Никитка. – Озябну.

– Не бойся, не застудишь. А водица – артезианская. Глубина скважины – триста двенадцать метров, – педантично уточнила Кассиопея Игоревна, укуталась в плед и, дабы, поддавшись искушению, не начудить прямо тут чего развратного, а потом под образами не замаливать, на всякий случай отвернулась к окну. Во дворе, свят-свят, у мусорных баков совокуплялись дворняги. – Тьфу! Паскудство сплошное! Так вот... На версте двадцать третьей по шоссе стремительно владею я теремом чудесным со всеми бытовыми премудростями. От муженька покойного, сказочника, достался. Он там за гонорары щедрые образы литературные создавал для детей и юношества, а я редактировала. Отсюда и привычка моя гадская строить фразы вот так, по-дебильному. Хочу пригласить тебя на шабаш загородный в день недели седьмой в минут сорок пять часа, следующего за одиннадцатыю. На воздухе свежем и колдырится слаще, и любитесь чаще. Как тебе мысль моя? Разумная?

– Главное, нетривиальная, – язвительно рассудил Никита Тимофеевич и, всё более перенимая речевую манеру собеседницы, поинтересовался. – А нельзя сегодня в мешке городском, каменном оскоромиться, а опосля на хате твоей разухабиться?

– Нельзя.

– Почему?

– Нельзя, и всё.

– Аргументированно. Ладно. Понял.

– Молодец.

– Только вот, когда и во сколько приехать, я так и не уловил.

– В воскресенье. Без пятнадцати двенадцать.

– А-а-а...

– Бестолочь! – молвила Кассиопея Игоревна и вдруг заломила руки. – Ах, оставь меня теперь!! Ах, оставь, человечек развратный!!!

Томимый бабочками в животе, словно сбрендившая от любви старшеклассница, Никита Тимофеевич в субботу вечером так и не заснул. Перед глазами только и делали, что мелькали голые бабы в обнимку с фольклорной нечистью.

– Фу, – мужчина сел в потной постели, измятой в бессоннице. – Поеду-ка прямо сейчас к матери. Дров ей на зиму нарублю. От нее – сразу в гости к Игоревне. А то, неровен час, поллюциями изойду.

Никитка так скоро расправился с древесиной, что несмотря на время, потраченное после на тщательное мытьё с ароматным шампунем и причёсывание на ровный пробор, всё равно оказался у калитки предмета своего вожделения часа за три до назначенного.

Кавалер вышел из надраенного авто, подтянул белоснеж-

ные носки, поплевал на белоснежный носовой платок, вытер им несуществующую пыль с белоснежных кроссовок, аккуратно сдул с плеча белоснежного поло наглую дрозифилу, пошарил в кармане белоснежных шорт и, нащупав презервативы, достал их и небрежно закинул в перчаточный ящик.

– Чтобы чувствовать острее! – сглотнул слюну Никитка и протяжно погудел в клаксон.

Из-за покосившегося штакетника покашляли, потом слышались шаркающие шаги.

– Калитка не заперта. А ты чего в такую рань, демон? – заспанная хозяйка с лёгкой досадой покосилась на будильник, извлечённый из кармана замызганного халата. Она ещё не избавилась от остатков сна в чуть морщинистых уголках глаз и даже не чистила зубы. Галоши на босу ногу тоже не добавляли сексапильности. – О, счастье очей моих! Что за чушь я несу несусветную! Тебе я нынче рада! Как, впрочем, и всегда! Входи же, входи, конечно!

– Пардон мадам, уж замуж невтерпёж! – кратко пояснил гость, мигом сообразил, как открываются просевшие под грузом лет, разохшиеся въездные ворота, и минуту спустя виртуозно запарковался под ссутулившимся деревянным навесом на тесной площадке, засыпанной наполовину ушедшим в землю гравием.

От стоянки к некогда роскошному крыльцу старого, небрежно облитого коричневой морилкой одноэтажного сруба вела вся в выбоинах, выложенная брусчаткой и порос-

шая мхом дорожка. Она стелилась меж вычурных кованых опор винтажных газовых фонарей и кустов сирени. За ними под шадящими лучами утреннего солнца последней декады августа купался в нежной росе давно некошенный, одичавший газон. В общем, денёк для конца лета обещал быть недурственным, и в спрогнозированное бездушными новостями ненастьем не верилось, хоть и громыхало где-то за горизонтом всё чувствительнее.

Легко вбежав по скрипучим ступеням и обменяв уличную обувь на кем-то стоптанные тапочки, визитёр через сдвоенные, чуть перекошенные двери с потрескавшимися от пола доверху витражами посеменял за нерадивой хранильницей очага и оказался в тесной, плотно заставленной мебелью столовой.

Внутреннее убранство дома соответствовало тому, что было снаружи. Посреди комнаты стоял овальный, накрытый однотонным голубым сукном, массивный, с раздвижным механизмом обеденный стол, в центре которого в отколотой вазе из богемского хрусталя со вчерашнего вечера понуро умирали от жажды небрежно сорванные флоксы. Стулья с резными ножками хоть и были явно ручной работы, но их просиженные сиденья с жирными пятнами на гобеленовой обивке невольны заставляли задуматься об опрятности их владелицы.

Вдоль панорамных окон всё пространство занимал угловой, по-восточному низкий, с обилием мягких подушек

диван, обитый бархатом под цвет скатерти и прожжённый в трёх местах окурками. Напротив лежбища согревала в холода вся в изразцах, диковинная печь. На вид ей было лет сто, не меньше.

Посудный шкаф у четвёртой стены тоже не выглядел новоделом. Три исцарапанные полки под сдвижными стеклянными фасадами занимала сваленная в кучу посуда всех времён и народов. Чего там только не было: тарелки, чашки, стаканы, солонки, подсвечники. В закрытых ящиках ниже сам чёрт поломал бы ногу: приборы из натурального серебра перемешались со скрепками, таблетками, шариковыми ручками и, о боже, произведёнными ещё в ГДР пупсиками, истыканными, словно куколки культа Вуду, булавками и иглами.

Отовсюду воняло нафталином и сыростью.

– Что за г... Ого! – Никита Тимофеевич спохватился и не дал едкой характеристике вырваться наружу. – Так и отдаёт античностью.

– Ты, дружок, иногда как брякнешь, не подумав! – снисходительно улыбнулась Кассиопея Игоревна. – Ну, откуда, посуды, дурашка, взяться здесь древностям. Так, банальный ширпотреб середины двадцатого века. Ничего ценного, одним словом. И вообще, всё это давно отписано Министерству культуры.

– Кому? – поднял брови Ермолаев.

– Тебя это удивляет?

– А зачем?

– Когда меня не станет, они откроют здесь дом-музей моего покойного мужа.

– А-а-а, ясно...

После светской беседы по законам жанра должны следовать развлечения, и Никитка тут же не преминул напомнить, что даме давно пора перестать сотрясать тирадами воздух, а принять душ и облачиться в какой-нибудь эротичный наряд. И Бирюлёва-Ясенева, согласившись с необходимостью скорейших гигиенических процедур, сразу вслед за оными гарантировала сюрприз.

Ермолаев истомился под дверью, пока женщина нежилась под душем, позаимствовал со стола скатёрку, постелил её на невымытый пол и прилёг таким образом, чтобы удобнее было шептать в щель скабрёзности, от коих однозначно бы сделались пунцовыми даже самые матёрые из амстердамских жриц любви.

Но Кассиопея Игоревна и ухом не повела. Она вышла из ванной уже в брезентовом плаще, с вместительной корзиной в руках и властно приказала следовать за ней в лес.

– Обалдеть! – пронеслось в мозгу у Никитки. – Она желает совершить акт в условиях дикой природы! Прямо на опушке или будучи привязанной к дубу! А под плащом же, поди, и нет ничего?! Я помогу тебе, сладенькая! Я спасу тебя! Как трубадур из «Бременских музыкантов» спас короля... Блин, вот причём тут трубадур с королём?!

Ажитация чуда мгновенно привела Никитино либидо

в полную боевую готовность, и он, временами даже чуть опережая женщину и не обращая внимания на то, как быстро пачкаются его белоснежные одеяния и как больно стегают и царапаются ветки, устремился в самую чашу.

Непогода тем временем приближалась, и вскоре небо затянуло огромной тучей. Полило как из ведра, и пара остановилась посреди поляны.

– Давай здесь, – мужчина, весь чумазый с головы до пят, потянулся с поцелуем.

– Подожди, сначала – грибы. Ты только посмотри, как много опят! – замороженно огляделась по сторонам Кассиопея Игоревна. – Эх, нажарим...

– Ты совсем дура, что ли? – всё, включая приподнятое настроение, у Никитки разом так и упало.

– Да. У меня и справка есть, – дама извлекла из кармана плаща и протянула бумагу с треугольной фиолетовой печатью специализированного медицинского заведения. – На, читай.

– Форма номер... Вот едрить-колотить... А я, тупица, всё думаю, что ж с ней не так! – Ермолаев выхватил из рук ненормальной корзинку и замахнулся, чтобы больно ударить, но сжалился над убогой и передумал. – Не звони мне больше!! Никогда!!!

Мужчина стремительно вернулся на дачу, мстительно справил малую нужду в вазу с полумёртвыми флоксами, чем ненадолго оживил их, выкатил со двора авто и не солоно хле-

бавши устремился в город.

Кассиопея же Игоревна тем временем самозабвенно срезала перочинным ножичком добычу и складывала её в кузовок...

Лампа на приборной панели, не мигая, горела уже с полчаса.

– Надо бы топлива долить, – сообразил, наконец, раздосадованный Никитка и свернул на популярную сетевую заправку. – Полный бак девяносто пятого, пожалуйста.

– Наш фирменный, «Супер Спиди Форсаж», не желаете попробовать?

– Нет.

– Стёкла протереть?

– Нет.

– Фары?

– Нет.

– Незамерзайка?

– Ты debil? У тебя в мозгу снег выпал? Ты где зиму увидел? Какая незамерзайка? – расสวิрепел Ермолаев.

– Ой, неувязочка, – услужливый работник заливисто расхохотался и принялся откручивать непослушную крышку бензобака, с теплотой вспоминая о лежащем в шкафчике раздевалки недокуренном косяке.

Оплатив бензин, всё ещё злой, как собака, Никита Тимофеевич направился к машине. Тут он краем глаза заметил,

как на противоположной обочине затормозил мотоцикл с коляской. С него слезла неуклюжая, похожая на винный курдюк женщина в танковом шлеме и потрясла выбивавшимися из-под головного убора намокшими, длинными, седыми патлами.

Лицо наездницы показалось Никитке до боли знакомым. Его мозг начал судорожно перебирать отложившиеся в голове женские образы и вдруг... Бинго!

– Не может быть... Ашхен? Да, ладно! Ну и уродина! Как же я смог тогда? – парень поморщился. – Фу-фу-фу!

В этот момент кто-то потянул Никиту за рукав. Он обернулся.

– Узнаёшь меня, белобрысенький? – позади стояла старая, беззубая цыганка. В её сильно поредевшей, но, по-прежнему, на удивление чёрной шевелюре алела роза, а в скрюченные прогрессирующим артрозом пальцы буквально вросли кольца.

– Нет.

– Я гадала тебе, когда ты был маленький. Помнишь?

– Да ни лешего я не помню!

– Ну, как же? – зашамкала пророчица. – Ты забыл, как бежал за мной из деревни до самого леса? Я тебя ещё предупредила, что знать судьбу наперёд опасно, что гадания мои сбываются... Ну же... Вспомнил?

– Не-а.

– Что, вообще?

– Абсолютно!

– Ну, как так-то? Я тебе ещё нагадала, что будет у тебя роман с дамой треш, чьё имя начинается на «А». Но он закончится для вас обоих казённым домом, точнее – больницей. Потом предназначенная тебе суженая случайно сойдёт на мотоцикле твоего кровного родственника. То ли отца, то ли брата? Нет, точно, брата. Пройдёт много лет. Ты с ней случайно встретишься и обретёшь в её объятиях большое личное счастье.

– Да? Вы полагаете?

– От судьбы не уйдёшь! Уж поверь...

В этот миг всё в мозгу у Никиты Тимофеевича встало на свои места, и картина мира полностью прояснилась. Он снова посмотрел через дорогу. Теперь и Ашхен увидела его и, вероятно, узнала, потому что приветственно замахала руками и бросилась, как очумелая, навстречу.

– Никитка! – заорала она во всё горло. – Ники...

В этот момент вдову полковника Карапетяна на полной скорости насмерть сбил автобус. Водитель остановил многотонную машину только метров через сто, и на мокрый асфальт, причитая и ища поддержки у господ, не организованно, в ветхих артистических костюмах поверх морщинистых тел высыпали старые-престарые лилипуты из гастролирующего шапито.

– Слава богу, бабка, что хреновая из тебя гадалка получилась! – выдохнул с облегчением Никитка, и, бравадно насви-

стывая «Очи чёрные», отправился с распростёртыми объятиями от всего сердца благодарить лилипутов.

ТАЙНА ГРАФСКОГО ПРУДА

Увидеть бабье лето в столице и её окрестностях той ненастной осенью в самом начале восьмидесятых годов прошлого века народонаселение уж и не чаяло. Ёжившиеся от всепроникающей мороси и тщетно силившиеся перепрыгнуть бескрайние лужи даже самые терпеливые граждане что есть мочи кляли небесную канцелярию, а закоренелые атеисты и вовсе принялись молить о зиме, хотя сентябрь только-только разменял третью декаду. Тут природа-мать, наконец, сжалилась: по ночам запахло заморозками, и Гидрометцентр предупредил о гололедице. Но вопреки прогнозам непогрешимых советских синоптиков аномальные муссоны средиземноморского бассейна погнажи царствовавший над Ближним Востоком жаркий антициклон на север, и шевелюры москвичей и жителей области, наконец, взъерошили ласковые лучи солнышка. Страдавшим от алопеции запоздалое тепло тоже было по душе, ибо позволяло уйти на зиму с загорелыми лысынами.

Остаться безучастным к такой климатической идиллии никак не мог второгодник из четвёртого «Б». Педагогический коллектив школы, буквально сходявший с ума от его проделок, и родители, давно наплевавшие на невозможное чадо, называли сорванца исключительно словом «гадёныш», иногда вставляя перед ним определение «конченный». Та-

ким образом, имя и фамилию малолетнего негодяя история не сохранила, зато от пересказа его деяний местный люд содрогается до сих пор.

Резонно рассудив, что уроков математики и пения в его жизни будет ещё навалом, белобрысый шалопай посчитал форменным расточительством провести следующие два часа в душном помещении. Благодаря врождённому дару убеждения и костлявым кулачишкам, точно бившим по болевым точкам несговорчивых оппонентов, он весьма доходчиво втолковал однокласснику Кирюше, почему им именно сейчас просто жизненно необходимо отправиться за выстроенные на месте старой дворянской усадьбы гаражи, что граничили с залившим графским прудом.

Роскошный при кровавом царизме, ныне водоём являл собою жалкое и унылое зрелище. Заросший у берегов камышом и водорослями и на две трети покрытый ряской, он норовил вот-вот превратиться в болото, а позже и вовсе – в топь.

– Короче! – зашептал паразит в самое ухо друга, озираясь по сторонам. Сделал он это специально, чтобы собеседник ощутил причастность к некой огромной тайне. – Идти надо сейчас, пока тепло и предки на работе.

– А ты чего, вот прям плот связал? – недоверчиво заулыбался Кирилл. – Настоящий?

– Нет, блин, игрушечный! Конечно, настоящий! Вчера полдня на это убил. Вымок весь. Аж до соплей, – корабел для

наглядности зашмыгал носом. – Ты не веришь мне что ли?

– Не в этом дело, – рыхлый телом хорошист, к тому же происходивший из не совсем русской семьи, явно не хотел сбегать с уроков. – Просто я сегодня утром с математичкой нос к носу столкнулся. Вероника Аркадьевна – падла редкостная. К гадалке не ходи, прогул проставит.

– Чёрт с ней! – подмигнул хулиган. – Подумаешь, велика беда! Ха-ха!! Прогоул!!!

– Тебе-то, как всегда, ничего не будет. В худшем случае – отделаешься подзатыльником. А меня, как пить дать, выпорют! – качая кудряшками, упрямылся тихоня, приученный к прилежному воспитанию отцовским ремнём.

– Если жопа заболит, придёт на помощь Айболит! – ловко зарифмовал двоечник и тут же перешёл к угрозам. – Или пошли, или фофанов навешаю! Выбирай!

Ладно, – сообразительный Киря глянул на жилистого балбеса, принявшегося яростно разминать средний палец правой руки, и, скрепя сердце, согласился. – Так и быть. Айда.

– Вот и правильно! – победоносно подытожил заводила и повёл слабохарактерного приятеля на вожденное место.

Взобравшись на утлый плот из разнокалиберных досок, кое-как связанных набухшим в воде шпагатом, мореходы далеко отплыть не сумели, а потому всего лишь чуть промочили ноги. Суший пустяк, учитывая наличие при себе сменной обуви, без которой ввиду бдительности и рвения дежурного класса в школу не проскочила бы и мышь. Друзья по-

ложили промокшие ботинки с носками сушиться на солнце, а в сухих кедах на босу ногу принялись бродить вдоль берега и кидаться камнями по застрявшей в тине не то трубе, не то палке. Толстяк на снайпера явно не тянул. Да и худющий сорвиголова особой меткостью не отличался. Лишь с энной попытки он поразил-таки цель, и предмет перевернулся в воде.

– Ура, попал! – радостно завопил пацан, раскинул в стороны руки и, подражая звуку авиационного двигателя, заложил крутой вираж. – Бж-жжж... Пятый-пятый! Я десятый! Задание геройски выполнено! Бомбардировщик возвращается на аэродром. Как слышно? Приём... Бж-жжж...

– Ух ты! А чего это? – Кирюша попятился, оступился, плюхнулся на пятую точку и с робкой надеждой в голосе решился на предположение. – Манекен?

– Ой, мамочки! – завопил стоявший ближе к воде бомбардир, и мальчишки, позабыв про портфели, бросились наутёк.

В пруду барахталась отрезанная по локоть, сизого цвета человеческая рука со сжатыми в кулак пальцами, на одном из которых зловеще поблёскивало с крупным, явно драгоценным камнем...

Семейство Пирдубирдыевых давно переехало в Подмоскowie из какой-то совсем уж Средней Азии и до поры до времени совершенно безмятежно квартировало в многоподъездном кирпичном доме примерно в трёх минутах размеренной ходьбы от железнодорожной станции. Их девятиэтажка

считалась престижной в застроенном тогда сплошь и рядом панельными хрущёвками рабочем городишке, что расположился на пологом берегу Москва-реки промеж двух живописных пойм, снабжавших многомиллионный мегаполис питьевой водой.

В те былинные времена миграция из подбрюшья империи не являлась массовой и случалась, если только периферийный кадр оказывался выдающимся и заслуживал перевода в Первопрестольную. Достижениями Пирдубирдыев-старший до столицы не дотянул самую малость. Зато для военного производства в непосредственной от неё близости вполне годился. Тем паче, что был он кадровым партийным работником с инженерным образованием и допуском к государственной тайне.

И вот жили они поживали, пока не постучалась в их дом беда. Не успел толком начаться очередной учебный год, как их старший сын, смуглый и чернобровый красавец Заурбек, робко перешагнул порог отделения милиции по месту жительства. Взволнованно давясь слезами, без единой синтаксической и пунктуационной ошибки молодой человек написал заявление о пропаже родителей, трое суток тому назад ушедших по грибы и с тех пор не вернувшихся.

Начались поиски. Понятно, первым допросили заявителя – студента пятого курса очень престижного института, ленинского стипендиата, весьма вероятного обладателя красного диплома и отменной комсомольской характе-

ристики. Следом настал черёд его младшего брата Алибека – восьмиклассника, круглого отличника, перворазрядника по русским шашкам и доморощенного виртуоза-балалаечника. Оба хоть и выглядели подавленно, но ответствовали связно, без противоречий и никаких подозрений у органов внутренних дел не вызвали.

Далее побеседовали с соседями. Люди, в целом, милейшие, они ничего путного тоже показать не смогли. Да, дескать, видели на днях и достопочтенного Махмуда Алибабаевича, когда его к дому подвезла служебная «Волга», и глубокоуважаемую Сауле Абдурахмановну, спешившую к семье с авоськами, битком набитыми дефицитным продовольствием. Из того же, между прочим, гастронома, где не имевшие льгот и блата простые граждане готовы были укокошить друг друга из-за выброшенных на прилавок мороженных голландских кур.

Один из жильцов квартиры снизу, однако, вспомнил, что в ночь с пятницы на субботу у Пирдубирдыевых постоянно смывали унитаз, но Заурбек, пожелав повару студенческой столовой вечно гореть в аду, подтвердил, что в те часы маялся желудком и до позднего утра не вылезал из туалета.

В общем, по всему выходило, что искать исчезнувших надобно в близлежащих лесах, тогда ещё довольно густых, а местами и вовсе нехоженных.

Прочёсывания местности к результатам не привели, если не брать в расчёт побочный эффект: в частном секто-

ре были выявлены с десятков неизвестных ранее точек массового самогоноварения, а на укрывшейся за труднодоступной чащей очень дальней поляне только-только вызрела целая плантация конопли. Производителей алкогольного суррогата без душеспасительных церемоний и интеллигентского слюнтяйства наказали, приговорив к штрафу с конфискацией средств нелегального промысла. Напасть же на след таинственных аграриев, к сожалению, так и не удалось, хотя в засаде их ждала группа из трёх бывалых оперативников, по окончании дежурства наотрез отказавшихся сменяться.

– Нет, не устали... Ни в коем случае... Придавать новые силы считаем нецелесообразным... Почему-почему? По кочану! Ой, в том смысле, что поймать этих негодяев для нас теперь – дело чести! – с трудом сдерживая смех, доложил раз начальству по рации старший из сотрудников капитан Курилкин и попросил снабдить их через секретное дупло усиленным сухим пайком, двумя ящиками минералки и блоком папирос. Более никто из них на связь не выходил. Да и из лесу – тоже. Несколько раз, правда, случайные прохожие божились, что натыкались в тех местах на целый выводок йети, ряженных почему-то в милицейские португепи, но то, верно, была брехня.

Так, видимо, и осталось бы преступление нераскрытым, но всплывшая рука дала ключ к разгадке. Водолазы, исследовавшие пруд, достали со дна ещё немало мешков с ногами,

руками, туловищами и головами на две полноценных персоны обоих полов. Даже без опознания и экспертиз по имевшимся у следствия характерным приметам стало ясно, что это – незадачливые грибники Пирдубирдыевы.

Сведения о находке моментально утекли в Комитет Государственной Безопасности. Учитывая статус Махмуда Алибабаевича, чекисты незамедлительно взяли дело под свой контроль, чуть свет нагрянули в гости к крепко спящим братьям и с помощью имевшихся в их распоряжении спецсредств в считанные минуты обнаружили тщательно замываемые пятна крови. В результате через пару часов обколотый сывороткой правды Заурбек давал признательные показания в самом сыром и глубоком подвале Лубянки. Он наматывал соплю на кулаки и валил всё на застлавшую разум любовь, будто бы взявшую да и растопившую его благородное сердце прошлым летом в самый разгар московской Олимпиады.

Опытные следователи корпели над материалами дела несколько бессонных месяцев. Их труд не пропал даром, и они доподлинно воссоздали трагическую картину произошедшего.

Всё началось в день похорон Владимира Высоцкого. В кишашей сомнительными личностями толпе зевак присутствовал и искусно маскировавшийся под личиной верного ленинца Заурбек Пирдубирдыев. Расчётливый в своих грязных намерениях отщепенец давно и с нескрываемой зави-

стью посматривал на Запад. В силу этого утративший моральный облик строителя коммунизма урод стал лёгкой добычей броско покрашенной сотрудницы американской дипломатической миссии Мэри Смит, одетой в юбку с кроссовками по самой что ни на есть последней заокеанской моде. Прикидываясь невинной овечкой, вышедшая на задание многоопытная шмара будто бы невзначай оступилась и, падая, ухватилась за гульфик заранее намеченной жертвы.

– I am so sorry!¹ – извинение американки прозвучало столь правдоподобно, что заподозрить подвох было невозможно.

– Please, don't be sorry! It's totally my fault!² – на очень даже качественном английском с едва уловимым, характерным для Экибастузского угольного бассейна акцентом расшаркался перед иностранкой восточный красавец, заметно приободрившийся от прикосновений заграничной штучки.

Далее гостя Игр, как явствует из её отчёта на имя резидента ЦРУ в СССР, вроде как понарошку потеряла бдительность, очаровалась новым знакомым, и тот увёз её на такси за город, где посреди картофельного поля грязно взял прямо в свете фар и под улюлюканье совершенно незнакомого водителя.

– Наподдать тебе ещё, тупорылая забугорная шлюшка? – блаженно поинтересовался у барышни Заурбек, как только за рекой прокричали первые петухи.

---

¹ Мне так жаль! (англ.)

² Пожалуйста, не извиняйтесь! Это полностью моя вина! (англ.)

– What does it mean?³ – притворилась дурочкой Мэри Смит, хотя прекрасно понимала и говорила по-русски. Более того, девушка очень любила песни Шаинского и в свободное от работы время беспрестанно их напевала.

– You're so beautiful that I am crazy about you!⁴ – весьма вольно перевёл советский гражданин и, не позволив даме встать с колен и закурить, ласково добавил, – I definitely have something better than the bloody cigarette!⁵

Воспитываясь апатичным, вечно хмурым отцом-евангелистом в канонических баптистских традициях, первые семнадцать лет жизни Мэри Смит провела в лошадином седле на бескрайних равнинах Среднего Запада и ничего шикарнее кофеен ближайшего к ним Детройта не посещала. Так бы и осталась она на родительской ферме до гробовой доски, если бы не школьный выпускной, сыгравший в её жизни поистине судьбоносную роль.

Денёк тот, кстати, хоть и был погожим, но поначалу как-то не задался. Утром недоношенный брат Мэри, младший сестры на три года и давно злившийся на неё за то, что та категорически отказывалась оголять в его присутствии свою грудь, вырезал ножницами глубокое декольте на платье, взятым девушкой напрокат специально к выпускному балу. А наряд-то

---

³ Что это означает? (англ.)

⁴ Ты такая красивая, что я схожу по тебе с ума! (англ.)

⁵ У меня определённо есть кое-что получше, чем эта чёртова сигарета! (англ.)

пошил не кто-нибудь, а лучший в их широтах портной, ходивший в подмастерьях у раннего Кельвина Кляйна.

Дальше – больше. После ланча подуставшая от застольных молитв и сохнувшая без умелых ласк мать Мэри уединилась с наёмным мукомолом, кубинцем Хорхе на мельнице, где за секунду до кульминации ей не в то горло предательски попала мучная пыль. Бедняжка уже начала синеть, но смогла откашляться и обрести спасительное дыхание благодаря находчивости беглеца с острова Свободы. Смыслённый нелегал, рассудив, что нового шанса может и не представиться, воспользовался ситуацией и склонил-таки любовницу к одному из видов секса, коего набожная и страдавшая от хронического геморроя глупышка до тех пор всячески избегала.

Трудолюбивый латинос на радостях так расстарался, что совсем забыл об осторожности и не заметил, как сзади, прося прощения у господ, крался на цыпочках мстительный муж с «Магнумом» наизготовку.

От неизбежной расправы прелюбодеев избавил пасшийся без привязи любимый мамин жеребец по кличке Ниндзя, успевший на ближних подступах вырубить отца Мэри правым задним копытом так, что у рогоносца напрочь стёрлись воспоминания о последних двадцати годах жизни. И хоть очнулся мужчина уже через пару минут, но пребывал он теперь в полном неведении, что имеет двоих детей и жену-изменщицу. Словно и не разменивал шестой десяток, обеспамятевший фермер резво поднялся, оседлал Ниндзю вопреки

воле последнего и, безжалостно пришпоривая бедную животику, навсегда ускакал в сторону то ли Великих озёр, то ли Большого каньона.

Неопределённость в показаниях не позволила местному шерифу Фрэнку «Громиле» Джонсону выделить основное направление поисков. Неторопливо размышляя, по какой же, чёрт побери, дороге пустить свой неприхотливый пикап, слуга закона смачно сплюнул через губу жевательный табак и нечаянно попал себе прямо на ковбойский сапог из дорогушей кожи калифорнийского аллигатора, которого собственноручно подорвал тротиловой шашкой в заповеднике под Санта-Барбарой во время последнего отпуска. Сей досадный эпизод в насыщенной событиями биографии Фрэнка произошел вследствие того, что блюститель порядка нечаянно перепутал ЛСД с аспирином.

– Shit happens!⁶ – философски заключил шериф Джонсон, стёр плевок одолженной у Хорхе сомбреро, брезгливо вернул шляпу её опешившему владельцу и поспешил промочить глотку качественным контрабандным виски, что от души наливал в своём баре самым дорогим клиентам вспыльчивый, как порох, ирландец Чарли Мак-Грегор. Кстати, именно потомок его очень дальних родственников с Британских островов много лет спустя стал драться за деньги, ради победы чуть не продал дьяволу душу, но однажды повёл себя, как конченный засранец, за что едва не был при-

---

⁶ Дерьмо случается! (англ.)

людно придушен самым позорнейшим образом.

Казалось бы, для одного дня хватит бед, но на голову несчастной Мэри обрушилась очередная напасть, впоследствии обернувшаяся неожиданным благом. В самый разгар торжества, куда она, несмотря на все каверзы судьбы, всё-таки добрела, в неё посреди ясного вечернего неба откуда ни возьмись шандарахнула молния. Даже не помыслив пасть ниц, девушка озарила окрестности вмиг образовавшимся вокруг неё ярко светящимся ореолом и пару минут подымылась на фоне чарующего заката. После чего, провоцируя слюноотделение у невольных свидетелей деликатесными ароматами филе-миньона в самой начальной стадии прожарки, она уверенно затараторила по-русски.

Открывшаяся способность изъясняться, окая, на чистейшем верхневолжском наречии и электрическая сверхпроводимость весьма пропорционального тела привлекли внимание американских спецслужб, за казённый счёт отправивших обладательницу паранормальных качеств сначала в разведывательную школу, а по её отличном окончании – секретным агентом под прикрытием дипломатического иммунитета в американское посольство в СССР.

– Ты ведь выйдешь за меня замуж? – по прошествии года романтических отношений поинтересовался у Мэри Заурбек, припал на левое колено и протянул в правой руке алую шкатулочку с недорогим, но очень стильным колечком, вы-

менянным по случаю на бутылку «Пшеничной» у соседа-алкоголика из тридцать девятой квартиры.

– My Darling! O, Baby! Of course I will!⁷ – не раздумывая, так как давно имела чёткие инструкции от руководства на сей счёт, согласилась новоявленная невеста и натурально пустила слезу из правого глаза. В него практиковавший в лучшей клинике Кремниевой долины офтальмолог специально для подобных целей имплантировал микроскопическую капсулу. – I am so happy!⁸

– Ты мой восхитительный паровозик из Ромашково! Чух-чух-чух! Пых-пых-пых! Ты отвезёшь меня в Америку?

– Yes, yes, America!⁹ – радостно затрясла химической завивкой Мэри. – We will go to the United States and live there happily together until we both die on the same day! Welcome to the free world!¹⁰

Заурбек вежливо поблагодарил даму сердца и отправился напрямик к своему мудрому отцу за благословением.

– Я даже слышать ничего про это не хочу! Не то, что обсуждать! – впервые в жизни сумев округлить глаза, чуть ли не матом возопил Пирдубирдыев-старший. – Какая свадьба

---

⁷ Мой дорогой! О, малыш! Конечно, да! (англ.)

⁸ Я так счастлива! (англ.)

⁹ Да, да, Америка!

¹⁰ Мы поедем в Соединённые Штаты и будем жить там счастливо вместе, пока оба не умрём в один день! Добро пожаловать в свободный мир! (англ.)

с иностранкой? Ладно бы хоть Болгария была, а не Америка! Баран!! Покарай тебя Аллах!!!

– А если это любовь, отец?! – сын вознёс к небесам одну из рук, по привычке соорудив из второй фигу в кармане.

– Да я кизяк клал на твою любовь с самой высокой колокольни! Слышишь? – как-то уж совсем по-славянски принялся возмущаться убелённый сединами азиат. – Ты пойми, шакал вшивый! Как только про Америку заикнёшься, тебя из института выпрут к едрене фене, а я партбилет на стол положу. Хорошо, если обратно в аул сошлют! А могут и... По тундре, по железной дороге... Это ж вся наша с матерью жизнь – верблюду под хвост. Ты этого добиваешься? Ну, уж, дудки! Только через мой труп!

Махмуд Алибабаевич будто в воду глядел. И месяц не прошел, как дождливым пятничным вечером, когда трудовой люд уже возрадовался долгожданным выходным, но ещё не упился до поросячьего визга, они с Сауле Абдурахмановной сидели каждый в принявшем форму тела своего владельца кресле перед цветным ламповым телевизором. Убаюкиваемая мантрами, читаемыми родными до боли голосами дикторов программы «Время», чета томилась ожиданием показа восточногерманского вестерна. Фильм повествовал о противостоянии добрых американских индейцев зловредным европейским колонизаторам. Мудрый Инчу-Чун вот-вот должен был наставить на путь истинный сы-

на своего Виннету, когда занесённый Заурбеком разделочный топорик войны с хрустом пробил оказавшуюся довольно тонкой теменную кость отцовского черепа. Не зря семейное поверье гласило, что у всех мужчин рода Пирдубирдыевых родничок зарастал долго и неосновательно. А следом Алибек ничтоже сумняшеся перерезал горло не успевшей пикнуть матери. Орудием послужил древнейший персидский кинжал, чьи массивные ножны закрывали проеденную молью дыру в настенном туркменском ковре ручной работы, украшавшем родительскую опочивальню.

Потом они в ванной сообща пилили тела заранее купленными в хозяйственном магазине ножовками, смывая в канализацию всякую требуху, а крупные куски пакуя в прочные пакеты для строительного мусора.

На плохо освещённых, обезлюдевших улицах бушевал ливень. Всю ночь напролёт никем не замеченные живодёры окольными тропами таскали мешки на ближайший пруд. Там подонки, подгружая ношу оставшимися от развалин усадьбы булыжниками, топили останки как можно дальше от берега.

Малость передохнув, поутру подельники тщательно отмыли квартиру, орудия убийств прокипятили, и Заурбек как ни в чём не бывало отправился в милицию, не забыв предварительно плотно и с аппетитом позавтракать.

Операцию под чересчур длинным для кодового названием «Тропой свободы или куда кривая выведет» кукловоды

из Лэнгли принялись разрабатывать, не имея конкретной цели. Зато начали они её не медля, как только пронюхали, что папа у Заурбека засекречен, а сам отпрыск не прочь свалить за бугор. Паренёк как-то доверительно проговорился обо всём сразу в пьяной беседе с сокурсником, а последний оказался глубоко законспирированным агентом влияния, чьи родители по роду деятельности годами не вылезали из загранки и тоже были завербованы. Этакая трудовая династия на службе у империализма.

Зажравшийся сучонок вовлекал старшего сына Пирдубирдыевых постепенно, через фарцовку и валютные спекуляции, пока не пробил час замочить барыгу, которому подельники сдавали чужестранные банкноты. Кровью, однако, повязать не вышло: перебежавшего в неполюженном месте Кутузовский проспект однокашника на глазах у Заурбека по иронии судьбы сбил «Бьюик» с дипломатическими номерами посольства Соединённых Штатов.

– O-oops!¹¹ – развела руками американская разведка и ввела в операцию Мэри Смит, которая неделю неотступно следовала за старшим сыном Пирдубирдыевых, прежде чем смогла элегантно подставиться.

Далее целый год парочка бесстыже совокуплялась, изображая взаимную любовь, а в штаб-квартире заказчика всё никак не могли придумать, что делать дальше. Наконец, определились, что агент Смит должна тонкими намёками

---

¹¹ Ой! (англ.)

подтолкнуть недотёпу к предложению о замужестве. Тот, конечно, клюнет, а Мэри сразу же позовёт его с собой в этот свободный, господи, благослови Америку, мир. А дальше и с папашей Пирдубирдыевым и его военной тайной что-нибудь да придумается. Аллилуйя!

Но, как и в случае с нарушителем правил дорожного движения, всё снова пошло наперекосяк.

О судьбах Заурбека и Алибека наверняка ничего не известно. То ли Советская власть справедливо поставила их к стенке. То ли проявила гуманизм и позволила душегубам мучиться, пока не сдохнут, в лечебном заведении закрытого типа.

Мэри же срочно отозвали на родину. Весь причитавшийся ей нешуточный гонорар за вычетом подоходного налога она отнесла в банк, а полагавшийся очередной отпуск посвятила вдыханию подзабытых на чужбине, но по-прежнему таких родных и терпких запахов родительской фермы.

Лишь перезрелый полоумный брат традиционно продолжал докучать домогательствами, за что частенько бывал бит сестрой, обученной приёмам той самой смертоносной борьбы, что помогла Шерлоку Холмсу одолеть профессора Мориарти.

Впрочем, это казалось сущим пустяком на фоне вида безгранично счастливой матери, обретшей радости бытия в нежных объятиях проказника Хорхе, вскорости после бег-

ства отца переехавшего со всем своим арсеналом реанимационных средств на постоянное место жительства в хозяйскую спальню.

Далее следы разведчицы теряются. Однако, заслуживающие доверия источники сообщали, что лёгкая на подъём авантюристка впоследствии стала главным действующим лицом очередной провокации ЦРУ, цель которой на момент её проведения также была весьма туманна. Говорят, что агента Смит значительно омолодили при помощи пластических операций и криогенной камеры, изменили имя на Саманту и под видом простой американской школьницы, написавшей письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Андропову, снова заслали в Советский Союз. Правда? Нет? Так поди ж теперь узнай...

ВКУСНАЯ ИСТОРИЯ ПРО ГЕНЕТИКУ

Варвара Александровна Кулибина хоть и не имела никаких родственных связей с прославленным изобретателем, но склонности проявляла явно технические. Поэтому никто не удивился, что после десятилетки девушка пошла учиться на инженера. Даже мать, привыкшая по поводу и без округлять вечно залитые зенки, и та восприняла данную новость на редкость обыденно.

– Мам, я поступила в политехнический! – поделилась радостью вчерашняя абитуриентка, едва переступив порог запущенной типовой распашонки, что давно облюбовала для посиделок местная алкашня, но с брезгливостью обходили стороной знавшие меру соседи. – Ставь скорее чайник, отметим! Я твой любимый «Пешт» купила!

– Да? Лучше б винаща принесла! – послышался звон падающей порожней тары, а одна бутылка долго катилась, прежде чем затормозить о чугунную батарею. Неухоженная, с папиросой в жёлтых зубах физиономия выглядевшей в сорок лет безнадежной старухой родительницы высунулась из оккупированной тараканами кухни. – И вообще, зачем тебе институт?

– Чтобы образование было! – девушка тщетно силилась

отыскать в угрюмом взгляде опустившейся женщины остатки хоть чего-то человеческого. – И чтобы из дерьма этого вырваться!

– Чушь это всё! – безапелляционно констатировала пропойца. – У меня вон два высших, а толку – пшик.

– Пить надо меньше! – дочь испытала сильное желание запустить в непутёвую мамашу тортом, но в последний момент с трудом сдержалась.

– Ты на кого руку поднимаешь, коза драная! – погрозила кулаком забулдыжка.

– Как тебе не стыдно! – горемычное дитя поставила коробку с тортом на пыльное трюмо, переобулась в ветхие шлёпанцы, которые были давно ей малы, и, давясь горькими слезами, удалилась в свою комнату.

Двери в детскую не было. Кто-то из маменькиных собутыльников в похмельном синдроме снял её с петель и обменял на пол-литра пива. Так что вход лишь обозначала шторка из наполовину облетевших и обнаживших проволочный скелет бамбуковых палочек.

– Ох-ох! Какие мы обидчивые! – ханыга поковырялась во рту спичкой и зашаркала к себе. В зале без усталости пахал чёрно-белый телевизор, который каким-то чудом пока не продали. С рябившего экрана заботливая врач Белянчикова вкладывала в умы советских граждан сведения о пагубном вреде алкоголизма. – Ты тут ещё со своими нравоучениями! Без тебя тошно!

Заместитель председателя горисполкома товарищ Вельяминов провёл совещание по проблемам коммунального хозяйства максимально оперативно, ибо вынашивал на вечер далеко идущие планы.

– Вопросы есть или задачи ясны? – чиновник глянул на привезённые прошлым летом из заграничной поездки японские часы на батарейке и, не дожидаясь ответа, поднялся из-за стола. – Тогда все свободны. Кроме товарища Кулибиной.

– Я? – испуганно задёргав пышными ресничками, переспросила недавняя студентка, с сентября зачисленная в штат на должность инспектора угольных котельных.

– Да, Варвара Александровна, вас я попрошу остаться, – начальник, совсем как старина Мюллер из «Семнадцати мгновений весны», хитро прищурился.

– Герман Андреевич, что-то не так в моей работе? – не терпелось юной особе спросить, но она стойко дождалась, пока последний из участников достопочтенного производственного собрания не покинул в гробовой тишине кабинет и наглухо не закрыл за собой двойные дубовые двери с бронзовыми скобами-ручками.

– Что вы! Нет, конечно! – настроенный крайне дружелюбно руководитель достал из сейфа тарелку с кружочками лимона, початую бутылку коньяка и аккуратно разлил пятизвёздочный нектар по крохотным рюмочкам, которые, будто

факир, извлёк, как показалось, прямо из рукава фасонистого пиджака. – Ну, как вам у нас? Как работается? Есть ли проблемы?

– Нет, вроде... – замялась сотрудница. – Или есть? Вы прямо скажите, что не так?

– Да не переживайте вы! – приободрил вконец растерявшуюся собеседницу Герман Андреевич. – Всё так! И вообще, вы крайне добросовестно исполняете свои обязанности!

– Правда?

– Честное слово!

– Спасибо! – тут девушка, наконец, расслабилась и пригубила самую малость. – Я, так-то, не пью...

– Я тоже! – зампред выдохнул и залпом опрокинул рюмашку. – Вы что сегодня вечером делаете?

– Дома буду, – лёгкий румянец покрыл миловидное личико молодки. – Сегодня по первой программе вторая серия!

– Может, ну её, эту серию? – мужчина ослабил модный, в тонкую полоску галстук. – Есть дела поинтереснее! Хочу пригласить вас в загородный ресторанчик, куда вход просто-му смертному заказан. Как вам моё предложение?

– Ну, как же... Вторая ж серия...

– Варенька! Вы ведь позволите мне вас так называть? – Герман Андреевич был сама любезность. – Давайте поступим следующим образом: сегодня вы соизволите со мной отужинать, а завтра я разрешаю вам задержаться до обеда. Выспитесь как следует. Заодно и повтор второй серии посмотр-

рите. Уговор?

– Ну разве что так, – не зная, куда пристроить руки, каре-глазка потеряла каштановые локоны и без тени дешёвого кокетства чуть неуклюже потупила взор. – Я согласна.

– Тогда по окончании рабочего дня выходите и садитесь на автобус номер пять, – скупая начальственность вмиг вернулась к товарищу Вельяминову. – Проедете семь остановок до больницы. Там около киоска «Союзпечати» я вас на личной машине перехвачу. Меня на ней мало кто видел. Я всё больше на «Волге» служебной... С шофёром... Ну, вы понимаете... Просто будет в корне неправильно, если нас коллеги вместе увидят. Пересуды ненужные пойдут, сплетни! Хотя я развёлся бог знает сколько лет тому назад, да и вы, насколько я знаю, не замужем, но бережёного – бог бережёт.

– А не бережёного – конвой стережёт! – чуть было не слетело с уст вовремя спохватившейся прелестницы.

Щегольская шестая модель «Жигулей» алого цвета словно парила над ровнейшим асфальтом загородной трассы, проложенной сквозь почётный караул пушистых голубых елей и корабельных сосен, устремившихся стройными стволами высоко в небо. В свете фар и придорожных фонарей отблескивали и переливались бриллиантовой роскошью на хвойных ветвях снежные шапки, умело маскировавшие заборы дач местной партийно-советской элиты.

Несмотря на снежную зиму, дорожное полотно было су-

хим и чистым. Герман Андреевич, успешный, с благородно седеющими висками, импозантный и расчетливый чинуша слегка за сорок, вёл легковушку играючи, разбавляя путешествие остроумными шутками и умело теша самолюбие пассажирки непошлыми комплиментами. Дефицитные зимние покрышки из ограниченной экспериментальной партии послушно входили в повороты, агрессивно цепляясь за поверхность ребристым протектором.

– Ой, вы сейчас нас угробите! – картинно вскидывалась Варвара и, элегантно оттопыривая мизинчик, хваталась за пластиковую ручку над головой всякий раз, когда водитель на запредельной скорости закладывал очередной вираж.

– Не говорите ерунды, голубушка! – самоуверенно отсылался гонщик и пуще прежнего жал на акселератор. – За рулём – асс!

Наконец, метрах в двадцати от обочины из непроглядного сумрака ночного леса вырос, словно колосс, настоящий сказочный терем с золотым петушком на шпиле. Три этажа вековых бревенчатых стен встречали иностранные делегации и прочих важных персон глубокими бойницами почти миниатюрных, с закруглёнными углами окошек, обрамлённых резными, раскрашенными под лубок наличниками и ставенками из морёных, побитых непогодой досок, что поскрипывали на тяжёлых кованых петлях всякий раз, когда принимался дуть ветер. Из-за домотканых, с деревенскими мотивами занавесок манил уютом приглушённый свет декоратив-

ных лампадок. А вся округа просто утопала в неповторимом аромате полыхавших в русской печи берёзовых и липовых поленьев, дым от которых валил из красной кирпичной трубы, возвышавшейся над коньком крытой шифером, двускатной крыши.

На прилегающую к срубам, огороженную высоченным частоколом территорию вёл упирающийся в крепостные ворота едва заметный съезд, перед которым сигнализировал всякому незваному гостю запретом знак 3.1. Водитель и глазом не повел, а лихо направил «Ладу» под «кирпич» и тоекратно крякнул клаксоном. Врата автоматически враз отворились, что даже притормаживать не пришлось. И также быстро закрылись, едва машина вкатилась на просторную, выскобленную до тротуарной плитки стоянку.

Вельяминов тонкими и длинными, как у пианиста, пальцами выключил зажигание. Небрежно поигрывая стильным металлическим брелоком с тремя равноудаленными друг от друга спицами внутри кольца, он выпорхнул из своего сиденья, обошёл капот и протянул пассажирке руку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.